

Аннелиз Фрейзенбрук

Freisenbruch, Annelise

The First Ladies of Rome

Аннелиз Фрейзенбрук

Первые леди Рима

Издательство АСТ
Москва

УДК 929(3)
ББК 63.3(0)32-8
Ф 86

Серия «Страны, города и люди»

Annelise Freisenbruch

THE FIRST LADIES OF ROME

Перевод с английского *Н. Тартаковской*

Серийное оформление *В. Воронина*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора

и литературного агентства

Intercontinental Literary Agency Limited.

Фрейзенбрук, Аннелиз.

Ф 86 Первые леди Рима / Аннелиз Фрейзенбрук ;
[пер. с англ. Н. Тартаковской]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 512 с. — (Страны, города и люди).

ISBN 978-5-17-091449-4

Супруги древнеримских императоров, дочери, матери, сестры — их имена, многие из которых стали нарицательными, овеяны для нас легендами, иногда красавицами, порой — скандальными, а порой и просто пугающими.

Образами римских царственных красавиц пестрят исторические романы, фильмы и сериалы — и каждый автор привносит в них что-то свое.

Но какими они были на самом деле?

Так ли уж развратна была Мессалина, так ли уж ненасытно жаждала власти Агриппина, так ли уж добродетельна была Галла Плацидия?

В своем исследовании Аннелиз Фрейзенбрук ищет и находит истину под множеством слоев мифов, домыслов и умолчаний, и женщины из императорских семей — умные интриганки и решительные честолюбицы, робкие жертвы династических игр, счастливые жены и матери, блестящие интеллектуалки и легкомысленные прожигательницы жизни — встают перед нами, словно живые.

УДК 929(3)
ББК 63.3(1)32-8

© Annelise Freisenbruch, 2011

© Перевод. Н. Тартаковская, 2016

ISBN 978-5-17-091449-4

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Я, КЛАВДИЙ...	9
Глава первая. ОДИССЕЙ В ЮБКЕ	
<i>Создание первой римской леди</i>	22
Глава вторая. ПЕРВОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ СЕМЕЙСТВО	
<i>Женщины Октавиана Августа</i>	71
Глава третья. СЕМЕЙНЫЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ	
<i>Народная принцесса и женщины режима Тиберия</i>	125
Глава четвертая. ВЕДЬМЫ ТИБРА	
<i>Последняя императрица Юлиев-Клавдьев</i>	167
Глава пятая. МАЛЕНЬКАЯ КЛЕОПАТРА	
<i>Иудейская принцесса и первые леди</i>	219
Глава шестая. ДОБРАЯ ИМПЕРАТРИЦА	
<i>Первые леди второго века</i>	256
Глава седьмая. ИМПЕРАТРИЦА-ФИЛОСОФ	
<i>Юлия Домна и сирийский матриархат</i>	293
Глава восьмая. ПЕРВАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА	
<i>Женщины в эпоху Константина</i>	333
Глава девятая. НЕВЕСТЫ ХРИСТА, ДОЧЕРИ ЕВЫ	
<i>Первые леди последней римской династии</i>	370
Эпилог	422
Примечания об именах и датах	426
Благодарности	428
Примечания	430
Избранная библиография	479
Тексты и переводы	479
Вторичные источники	483

Моим родителям

ВВЕДЕНИЕ

Я, КЛАВДИЙ...

Жена Цезаря должна быть выше подозрений.

Плутарх, «Жизнь Юлия Цезаря».
Миссис Ландингем, «Западная кулиса»¹

Посетителям Музея классической археологии Кембриджского университета вполне пристойно ощущение, что они забрели в уединенное частное владение коллекционера произведений искусства. Пройдите вдоль этой длинной гулкой галереи с ее высокой обрешеченной стеклянной крышей, сквозь шелест, производимый щеточками и грифелями художников, делающих наброски, — и вы окажетесь во власти более четырехсот самых точных и мгновенно узнаваемых образов классического мира. Тут расположены фризы и фронтоны, снятые с Парфенона лордом Элджином; тут и Аполлон Бельведерский, которому когда-то поклонялись как самой прекрасной из сохранившихся статуй античности; тут и душераздирающая статуя из Ватикана, изображающая трагедию Лаокоона и его сыновей, которых две огромные змеи тащат в подводную могилу перед стенами осажденной Трои.

Когда мы подходим к последнему помещению музеяного круга, нас встречает Римский Зал Славы — ряд голов без тел, изображения людей, некогда правивших Римом. Тут

представлено множество знаменитых личностей, чьи мраморные лица легко увязать с хорошо известными историческими именами: юный коротышка Нерон, худой уверенный Веспасиан, интеллигентный бородатый Гордиан и ограниченный недовольный Коммод. А в задний ряд галереи серых голов прославленных патрициев втиснуто гладкое бледное лицо женщины, которое кажется среди них слегка неуместным. Ее имя напечатано на табличке внизу: просто «Фаустина Младшая» — ни больше ни меньше. Это аэрозольная, бесцветная маска лица, невыразительная и нечитаемая; волны ее расчесанных волос тщательно уложены, впадины миндалевидных глаз слепо смотрят на что-то позади нас².

Что известно нам о том, кем некогда была эта женщина, если судить по данному белесому слепку? Ибо этот слепок — все, чем мы располагаем; и не только потому, что сам портрет — предмет неодушевленный, но еще и потому, что, как и большинство других экспонатов данного музея, ее голова — лишь копия, гипсовая реконструкция, повторившая оригинал более века назад, в ту пору, когда коллекции слепков с античных оригиналов, как и изучение классического искусства, вошли в моду. В силу неотчетливой идентификации большинства лиц Древнего мира не существует даже никакой уверенности, что это в самом деле Фаустина Младшая, и имя ее вряд ли часто пробуждает искорку узнавания — хотя на деле она была женой глубоко чтимого шестнадцатого императора Рима Марка Аврелия. Как можем мы представить по этой плохонькой гипсовой скорлупке жизнь женщины, смотревшей на империю через плечо своего супруга, тем более что о ее жизни сохранилось не так уж много свидетельств?

Соблазн сыграть в Пигмалиона, дабы в соответствии со своей фантазией оживить Фаустину и других великих женщин имперского Рима, невероятно велик — это проделано огромным количеством художников и писателей. Вероятно, огромное влияние современных портретов в том, что они со-

зданы британским писателем Робертом Грейвзом, который в августе 1933 года, живя в добровольной ссылке в солнной деревушке Дэя на Майорке, отправил лондонским издательям свою последнюю рукопись, не особо надеясь, что та поможет ему погасить 4000 фунтов долга за дом. Книга называлась «Я, Клавдий» и повествовала о первой династии Римской империи с точки зрения давшего ей свое имя заикающегося рассказчика — Клавдия, четвертого римского императора.

Грейвз открыто выказывал пренебрежение к этой работе, называя ее «литературной стряпней», но и она, и ее продолжение, «Божественный Клавдий», имели громадный успех — как коммерческий, так и у критиков. Со временем, в 1976 году, эти романы были экранизированы для телевидения Британии и США. Тринадцатисерийная сага, вышедшая под девизом «Семья, чьим бизнесом было управление миром», быстро стала «Кланом Сoprano» своих дней, завоевав признание благодаря звездному актерскому составу и попаданию на верхнюю строку телерейтингов.

Но, в отличие от приоритетов, расставленных в книгах Грейвза, реальными звездами шоу — теми, кто преобладал в большинстве сцен, привлекая максимум внимания рецензентов, чьи лица стали определяющими рекламными образами для программы, — оказались женщины из жизни Клавдия, в особенности его бабка Ливия, жена первого римского императора Августа, а также третья и четвертая жены Клавдия — Мессалина и Агриппина. Эти женщины сложились в злодейское трио: Ливия, предшественница Макиавелли по духу, которая уничтожала соперников своего сына Тиберия с полнейшим безразличием; Мессалина, смертоносная шлюха, которая наставляла рога стареющему мужу и всячески оскорбляла его; Агриппина, черная вдова, чья рука в конце концов определила, кто унаследует венец Клавдия³.

Длинная тень, отброшенная книгой «Я, Клавдий», хорошо заметна и в недавнем популярном сериале «Рим» компании НВО («Хоум бокс офис» — одна из первых компаний

кабельного телевидения), где в качестве наиболее злобного и запоминающегося образа выбрана Атия, племянница Юлия Клавдия. Хотя едва ли существуют какие-то исторические свидетельства о жизни Атии, кроме предположения, что она была преданной и высокоморальной матерью своего сына Октавиана, тут в сцене кражи ее живо представили как хитрую бессовестную соблазнительницу — явное культурное наследие телесериала семидесятых годов.

Однако и у самого Грейвза нелестные портреты выдающихся женщин Рима появились на свет не одной властью авторского воображения. По большей части он выбирал их действия из описаний, оставленных наиболее известными и чтимыми хронистами Древнего Рима, и действительно создал на их основе вполне добротное изделие. «Я нигде не погрешил против истории...» — писал он в защиту своих книг, приводя цитаты из Тацита и Светония в качестве подтверждения своей точки зрения на женщин первой римской императорской династии⁴.

После прочтения литературных сочинений древности, которые вдохновили Грейвза, его характеристики нельзя не признать полностью соответствующими действительности. Помимо Ливии, Мессалины и Агриппины, среди отобранных им биографий женщин римского имперского века мы найдем дочь, которая издевалась над своим отцом, пьяниствуя на римском Форуме и занимаясь любовью с незнакомцами на возвышении для ораторов; тщеславную и красивую любовницу, уговорившую императора ради женитьбы на себе убить свою мать; жену, которая прелюбодействовала с актером до того, как приняла участие в заговоре против мужа; мачеху, которая пыталась соблазнить своего пасынка, затем составила план его казни и в итоге сама была сварена заживо в качестве наказания.

Юлия, Поппея и Фауста — вот лишь несколько женщин, чья репутация в ответе за по большей части негативную реакцию историков на женщин Рима. Они оказались

настолько запятнанными, что в течение веков их имена многократно упоминались как аргумент для отстранения женщин от возможности разделять политическую власть с супругами и сыновьями, а в литературе их образы стали злобной и универсальной аллегорией убийств, постельной неразборчивости и преступных замыслов⁵.

Итак, Грейвз ни в коем случае не был первым, кто вытащил женщин античности на свет со страниц Тацита и его римских современников. Совсем нет. Образы женщин Римской империи — это вызов веков, который подхвачен постклассической западной культурной продукцией через калейдоскоп пьес, исторических сочинений, романов, опер, фильмов, поэм, порнографических брошюр, картин, оттисков, скульптур, рукописных иллюстраций и даже рубашек карт или другого ширпотреба. С XIV века, когда стали появляться первые биографические списки печально известных исторических женщин, начиная с «De claris mulieribus» («О знаменитых женщинах») Джованни Боккаччо в 1374 году, римские дамы регулярно возникали в таких перечнях.

В нескольких отдельных случаях они служили образцами женской стойкости и патриотизма, но куда чаще выступали суровым предостережением для революционно настроенных молодых дам в популярных изданиях тех дней — например, в труде шотландского священника Джеймса Фордайса 1766 года «Проповеди для юных леди». В истории и литературе их имена имели хождение как псевдонимы для других известных женщин со спорной репутацией. Екатерина Вторая, Анна Болейн, Мария Стюарт, Лукреция Борджиа, Екатерина Медичи, Элеонора Аквитанская, Мария-Антуанетта и Жозефина Бонапарт — всех их в то или иное время сравнивали с нарицательными образами из римской истории. Из более близких к нашему времени примеров можно вспомнить «Мессалину Илфордскую» — 29-летнюю Эдит Томпсон, которая в январе 1923 года стала

первой за пятнадцать лет женщиной, повешенной в Британии по обвинению в убийстве собственного мужа. Многие с тех пор ставили приговор под сомнение, но пресса того времени без колебаний цитировала эротические письма Томпсон к ее любовнику и сообвиняемому Фредерику Байутеру, дабы оправдать присвоенное ей в газетах имя третьей супруги Клавдия, нимфоманки и убийцы⁶.

Однако не все упоминания о женщинах, связанных с правящими династиями Римской империи, столь негативны. Некоторые из них обладали относительно добродушной славой как в литературных источниках древности, так и в посмертных легендах — в том числе Агриппина Старшая, мать имеющей дурную репутацию родительницы императора Нерона Агриппины Младшей. Овдовев в 19 лет в результате странной смерти своего популярного в народе мужа Германника, Агриппина Старшая пользовалась особой симпатией у тех, кто подозревал в убийстве Германника беспощадную руку правящего императора Тиберия и его матери Ливии.

Ценис и Береника, любовницы соответственно отца и сына, Веспасиана и Тита, стали героями популярных пьес и романов, а Елена, мать первого христианского императора Константина, даже удостоилась чести войти в сонмы святых. И все-таки, без сомнения, как благие примеры, так и их противоположность, властные развратницы, которые при помощи вымыслов об их жизни стали преобладать в расхожем мнении о том, каковы были на деле женщины Рима, выглядят не более чем картонными фигурками, своего рода древним аналогом жен Степфорда*.

* «Степфордские жены» — мистический роман американского писателя Айры Левина (1972), героиня которого попадает в город Степфорд, населенный идеальными домохозяйками. Дважды экранизирован в США (1975 и 2004-й, с Николь Кидман). Оборот «степфордская жена» стал нарицательным обозначением женщины, которая внешне выглядит слишком безупречно, как истинная леди, и поэтому вызывает безотчетную настороженность. (Прим. ред.)

Наша книга снова открывает описание Ливии и подобных ей «первых леди» Рима — имея целью показать немногим больше, чем статичные утвердившиеся картонные стереотипы. Но само затрагивание данной темы имеет свои сложности.

Рим был однозначно мужским миром. Идентификация римлянина определялась исключительно в терминах достижений в мужских сферах деятельности — войне и политике, из которых римлянки полностью исключались. Даже римское слово *virtus*, означавшее «мужество», имело корень *vir* — мужчина. За всю историю Рима женщины никогда не имели права занимать политические должности. Они не могли ни командовать армиями, ни голосовать на выборах, имели совсем небольшие права в рамках закона и вообще играли ограниченную и жестко прописанную роль в римской общественной жизни — по сравнению с мужчинами, братьями, отцами и сыновьями. Несмотря на редкие свидетельства женского сопротивления непопулярным законам и дебаты среди юристов и философов о привилегиях, которые должны быть даны римлянкам в области образования или наследования имущества, в древности не существовало такого понятия, как женское движение за права. Большинство (хотя не все) из рассматриваемых тут римских первых леди никогда бы не остались на страницах истории, если бы не мужчины, за которых они вышли замуж, или сыновья, которым они дали жизнь. Их биографии неизменно рождались в тени и как отражение биографий их родственников-мужчин.

Одной из принципиальных загадок для современных историков, изучающих женщин Древнего Рима, является то, что в анналах фактически не сохранилось ничего написанного женской рукой — даже рукой женщин из императорской семьи, за исключением нескольких фрагментарных набросков поэзии, писем и рисунков. В то время как теперешние жены политиков могут давать интервью